

критикуя Н. Морозова за «многословие и растянутость» его мемуарных очерков, Фигнер в письме к нему отмечает: «Когда касаешься старины, надо писать сжато, выбирать выпуклое, не терять время на всякого рода мелочи и длинные описания... Повторение известного скучно...» [9, т. 7, с. 215].

Собственная литературная и идеологическая установка В. Фигнер не предполагала включение в воспоминания сугубо личного, не связанного с гражданским обликом ее автобиографической героини. В этом существенное отличие мемуарного замысла народников, в частности В. Фигнер и П. Кропоткина, от замысла А. И. Герцена, который «был убежден в том, что его жизнь вся в целом, даже его личная, семейная является фактом общественного значения» [1, с. 78].

«Жесткость» отбора биографического материала для воспоминаний не помешала, однако, В. Фигнер создать произведение, являющееся «драгоценным вкладом в русскую литературу» [2, с. 184].

Список литературы: 1. *Гинзбург Л.* Былое и думы Герцена. Л., 1957. 374 с. 2. *Горев Б.* Вера Фигнер. Запечатленный труд. Том II. Когда часы жизни остановились. — Печать и революция, 1923, № 1. 190 с. 3. *Дуров Б. Д.* Мемуарный жанр в художественной прозе революционного народничества. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 16 с. 4. *Елизаветина Г. Г.* Былое и думы Герцена и русская мемуаристика XIX в. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 16 с. 5. *Красовский Ю. А.* Женщина русской революции. — В кн.: Встречи с прошлым. М., 1982, вып. 4, с. 348—383. 6. *К-ий П.* Ролан Манон... — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Эфрон, 1899, т. 53, с. 38—39. 7. *Лебедев Ю. В.* Поэзия революционного народничества. — В кн.: История русской литературы. В 4-х т. Л., 1982, с. 606—630. 8. Летописи марксизма. 1930, № 1. 9. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, 457, л. 10. 10. *Фигнер Вера.* Собр. соч. В 7-ми т. М., 1932.

Статья поступила в редколлегию 02.03.83

Н. П. Лебедеико, канд. филол. наук,
Измаильский пединститут

Своеобразие сатиры А. Блока в стихотворном цикле «Жизнь моего друга»

В настоящее время особую роль в борьбе с отрицательными явлениями и пережитками прошлого играют сатира и юмор [1, с. 62]. Одной из характерных черт сатиры социалистического реализма является творческое сочетание лучших традиций прошлого с новаторством. Поэтому изучение сатирического творчества писателей — предшественников социалистического реализма имеет определенную научную важность.

Цель настоящей статьи — проследить конкретные формы сатиры в творчестве А. Блока, в частности своеобразие сатирического начала в стихотворном цикле «Жизнь моего друга».

Своеобразие сатиры А. Блока, эволюция сатирического твор-

чества поэта до сих пор не выяснены. А ведь еще в 1922 г. С. Городецкий писал: «Ни одна статья из бесчисленных появившихся после смерти Блока статей не говорит о нем как о сатирике. А сатира — основной тон всех лет его немоты и отчаяния» [3, с. 83].

Спустя полвека приходится констатировать, что о сатире А. Блока написано очень немного [5; 8; 9], и связано это не столько с преобладанием в его творчестве «чистой» лирики, сколько с недостаточной разработкой вопросов сатиры в творчестве символистов.

Л. А. Спиридонова (Евстигнеева) отмечает, что для «большинства писателей в начале XX века было характерно обостренное чувство неблагополучия бытия, выразившееся в усилении элементов социальной критики. Отсюда наличие самых разнообразных форм комического в их произведениях» [7, с. 12].

В лекциях по истории литературы М. Горький утверждал, что сила сатирического изображения во многом зависит от того, насколько глубоко и прочно осознан художником идеал. Поэтому естественным оказывается обращение Блока к сатире в годы политической реакции, так как именно в этот период поэтическое самосознание его характеризуется резким поворотом к граждански направленной этической проблематике, что проявляется в изображении и оценке двух взаимоисключающихся субъектов — *поэтического* и *сатирического*. Пафос «утверждения», прозвучавший в драме «Песня Судьбы», в цикле «На поле Куликовом», в стихотворении «Новая Америка» и стихах о России, удивительно органично соседствовал с пафосом «отрицания», свойственным циклам «Пляски смерти», «Жизнь моего друга».

Наиболее характерным для творчества поэта периода реакции является последовательное отрицание буржуазной цивилизации — духовно раздробленной, прозаически бездушной. Насколько определенным было неприятие «страшного мира» А. Блоком, говорит его письмо к матери: «...единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники...» [2, т. 8, с. 281]. Носителями и выразителями черт цивилизации, по мнению поэта, являются те представители буржуазной русской интеллигенции, которые в условиях политической реакции селятся казаться «культурными», полезными отечеству. О лицемерной «мертвенной сущности» такой интеллигенции говорит Блок в стихотворном цикле «Страшный мир».

Микроцикл «Жизнь моего друга», входящий в состав «Страшного мира», развивает классическую в русской литературе тему судьбы художника в буржуазном обществе, содержит разоблачение смертельной враждебности «страшного мира» искусству. Герой цикла — человек искусства, поэт — являет собой пример художника, оказавшегося неспособным противостоять миру «сытых». А. Блок описывает историю жизни героя, удел которого

...на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь
[2, т. 3, с. 48].

Он предаёт высокие идеалы служения искусству, совесть, правду, жизнь, примиряется с «отменным порядком милого дольного мира».

Причины нравственной гибели «приятеля» автор усматривает в том, что герой поддается соблазнам «страшного мира»:

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно

[2, т. 3, с. 52].

А в это время в мире царит несправедливость:

Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

[2, т. 3, с. 48].

Всюду, даже в искусстве, торжествует пошлость:

В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого звания,
Ее до себя возвышая...

[2, т. 3, с. 51].

Жизнь героя — череда невыразительных дней, «мелочных забот» — результат «безверия» и «грусти», стремления к «желанному покою».

Нравственная глухота оборачивается и эстетической глухотой, высокое искусство низводится до уровня ремесла, в котором «книжки ... с множеством рифм и размеров» да «рукописи с тучей эпитафий» являются нормой творчества.

Существование в «сумасшествии тихом» вызывает и определенное окружение. Собратья по перу — такие же, как и герой цикла, погрязшие в мелочах повседневности, разучившиеся отличать высокое от низкого, все сводящие к разговорам «о болезнях, врачах и лекарствах». Эклектичность, отсутствие гармонии в творчестве, мыслях и чувствах героя и его окружении — прямое следствие отсутствия гармонии в мире, нормой которого является «сумасшествие тихое».

Стремясь наиболее выразительно воплотить внутренний отход героя от высоких нравственных норм, А. Блок использует традиционный сюжет «потерянной души» («души, проданной дьяволу», погубленной). В стихотворении «Когда невзначай в воскресенье» он обыгрывает выражение «потерять душу». Дополнительные штрихи в это понятие вносят элементы развернутого словесного образа «потеря души», формирующие содержание понятия душа — вещь: сыскное отделение, свидетели. В контексте метафора «он душу свою потерял» приобретает иронический от-

тенок. «Возвышенная» лексика и порядок слов второй строки оказываются подавленными сниженно-бытовой стилистической струей остальных строк строфы («потеря души» случилась невзначай, в определенный день — воскресенье, здесь же фигурируют реалии, связанные с обычной утерей вещей). Так при использовании самых традиционных приемов А. Блок развивает мысль об утрате героем основных человеческих ценностей.

Мотиву «потерянной души» сопутствует образ сердца-мертвеца:

Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похватъ, — а сердца нет.
Сердце — крашенный мертвец...
[2, т. 3, с. 49].

Дисгармоничность мира, его фантастичность, усиливающая мотив «потерянной души», «сердца-мертвеца» достигается описанием «призрачного» петербургского пейзажа, с его резким, немумолимо-холодным ветром, тьмою глухих улиц, лунного света, искажающего реальные очертания предметов.

Фантастичность пейзажа усугубляется фантастичностью происходящего на улицах города, где герою являются призраки.

Во второй части цикла «Жизнь моего приятеля» появляются фантастические силы ада — черти, смерть. Однако inferнальные образы представляют не мифологических существ, а воплощение искаженных представлений о жизни, людях, добре и зле. Гротескно-сатирический характер воспроизведения действительности оправдывает использование традиционных мистических образов в целях изображения сути современного поэту общественного уклада. В стихотворении «Говорят черти» эта суть проявляется в утверждении своеобразной гедонистической философии, отражающей кризис буржуазной культуры, представляющей реакцию на политический террор, наступивший после поражения революции 1905 г. В этот период значительная часть русской буржуазной интеллигенции, стремясь уйти от ужасов социально-политической действительности, «бежит» в мистику, эротику и т. д. А. Блок в статье «Ирония» (1908), отмечая духовную опустошенность, опошление всего высокого и святого современной ему интеллигенцией, уподобляет ее жизнь — кабаку, где утрачена чистота, красота: «...все для них равно: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба. Все смешано, как в кабаке и мгле... захочу — «приму» весь мир целиком, упаду на колени перед Недотыкомкой, соблазну Беатриче... Пьян иронией, смехом, как водкой; все обезличено, все обесчещено, все — все равно» [2, т. 5, с. 346—347].

Стремление глубже показать враждебность буржуазного общества искусству, губительность воздействия его на личность художника заставляет поэта не только сделать объектом своего изображения человека как личность, но и попытаться понять суть самой среды буржуазной интеллигенции, характер и свое-

образе социального уклада. В связи с этим он развивает в цикле «Жизнь моего приятеля» мотив безумия. В стихотворении «День проходил, как всегда» этот мотив реализуется в описании образа жизни «приятеля» — это «сумасшествие тихое», в контексте выступающее синонимом понятия «отменный порядок». Второй аспект мотива безумия — безумие героя цикла раскрывается в седьмом и восьмом стихотворениях.

Конкретная лексика, реализующая в контексте стихотворения «День проходил, как всегда» предметно-номинативные значения, становится главным воплощением сатиры:

Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый

[2, т. 3, с. 50].

Скрытая, не сразу проявляющаяся художественная экспрессия проступает в последующих строчках стихотворения:

Два стихотворца (поклонники Пушкина)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпитафий
(Из Надсона и символистов)

[2, т. 3, с. 50].

«Высокая» лексика, воссоздающая картину интеллектуальной жизни и окружения героя, снижается путем столкновения с конкретной, разговорно-бытовой.

Сатирическое изображение осуществляется соединением различных речевых стилей, использованием игры слов, контраста слов и ситуаций. «Отменный порядок милого дольного мира» погружает героя в сон, который по содержанию близок гоголевскому образу «летаргического сна», в котором находится обреченная на гибель культура.

С. М. Тарасенков в статье «Сатира А. Блока и ее своеобразие («Страшный мир»)» утверждает: «Отменный порядок» дня, описанный в стихотворении, вызвал у автора горькую улыбку... Но вместе с тем, его (героя) все еще волновали предчувствия, в его сознании не угасали «светлые мысли». Он надеялся, что скоро пройдет «эта мерзостная вонючая полоса жизни, придет другая» [9, с. 278].

В этом мнении не учитывается различие между позицией автора и героя. Не вызывает сомнения, что А. Блок верил в скорое приближение новой жизни, которая придет на смену политической реакции. Об этом свидетельствуют его художественные произведения, публицистические статьи, дневниковые записи, письма периода 1907—1917 гг. Вера в светлое будущее России, в творческие силы ее народа, а не «отчаяние и немота» побуждали поэта сатирически изображать жизнь буржуазной интеллигенции.

Однако трудно говорить о вере в будущее героя цикла «Жизнь моего приятеля», он вряд ли способен противостоять соблазнам «страшного мира»:

Словно пугаясь чего-то, не лучше ль,
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда
В сумасшествии тихом?

[2, т. 3, с. 52].

Не случайно А. Блок графически выделяет слова, строчки, в которых герой стремится к «сумасшествию тихому». Последнее стихотворение цикла «Говорит смерть» — не дает оснований верить в «просветление героя»:

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь

[2, т. 3, с. 53].

Единственным спасением от ужасов «страшного мира» для героя оказывается смерть, хотя это не значит, что А. Блок выступает апологетом смерти.

Мысли поэта о жизни и месте в ней человека искусства, запертого в бессмысленном круге «страшного мира», художественное познание и оценка современной ему идеологии и психологии осуществляются в цикле «Жизнь моего приятеля» посредством сатиры, что позволяет автору объективно указать на бесперспективность «былых очарований», на ложность пути сосуществования со «страшным миром», подвести читателя к вопросу о подлинных ценностях и утверждении их в жизни.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. 223 с. 2. Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. М.; Л., 1960—1963. 3. Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке. — Печать и революция, 1922, № 1, с. 75—88. 4. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. 552 с. 5. Миц З. Г. К генезису комического у Блока (Владимир Соловьев и А. Блок). — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1971, вып. 226, с. 124—221. 6. Спиридонова (Евстигнеева) Л. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977. 304 с. 7. Сторожев А. Сатира в поэме А. Блока «Возмездие». — В кн.: Материалы XXXVI науч. конф. Урал. пед. ин-та им. А. С. Пушкина, посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Уральск, 1970, с. 71—81. 8. Тарасенков С. Сатира Блока и ее своеобразие («Страшный мир»). — В кн.: Науч. тр. Краснодар. пед. ин-та. От Пушкина до Блока. Краснодар, 1968, вып. 60, с. 268—288.

Статья поступила в редколлегия 01.03.83